

Симонова Т.М.

Семен Франк «Этюды о Пушкине»

Протоиерей Василий Зеньковский, историк русской философии, писал, что Семен Франк среди мыслителей своего поколения был самым «философским». О себе он шутил: «Я промечтал всю жизнь».

В течении 14 лет в парижских русских эмигрантских изданиях («Путь», «Белградский Пушкинский сборник», «Возрождение») вышли в свет пять этюдов известного русского философа и филолога Семена Людвиговича Франка. В 1957 г. семья Франка издала эти произведения отдельной книгой в Лондоне (Мюнхене).

Первое эссе – «Религиозность Пушкина», эту тему поднялеще Дмитрий Мережковский, в конце 19 века, посвящено малоизвестному вопросу (и до сих пор это так) – *религиозному сознанию* Пушкина. «Между тем это есть тема величайшей важности ...это есть ... проблема русского национального самосознания». Франк ставит проблему очень категорично: если у Пушкина нельзя найти «глубокого и своеобразного религиозного чувства», то следует поставить под сомнение убеждение в «религиозной одаренности русского народа».

Для нас удивительно утверждение философа, что во всем «безмерно богатом» духовном мире поэта «религиозное чувство и сознание» играют первостепенную роль. Пушкин с нашего детства, с его Сказок, первой из которых назову «Сказку о попе и работнике его Балде», ассоциируется с насмешливым и даже презрительным отношением к служителям Церкви. Сюжет сказки очень странен и одновременно прост: «поп, толоконный лоб», ищет универсального работника, да еще «не очень дорогого»; он жадноват и потому понадеялся «на русский авось», из-за скупости согласился подставить свой вышеупомянутый лоб под три щелчка Балды – как расплату за работу. А герой Балда при таком малопривлекательном хозяине настолько хорош, работающ и универсален, что «даже попенкозвет его тятей».

Взгляд философа Франка на Поэта Пушкина, на наш взгляд, так же прост и ясен: не как на «чистого поэта», а как на транслятора своего «жизнечувствия», своей «интуитивной мудрости». Выводы философа потрясают своей простотой и очевидностью.

В самом начале эссе Франк заявляет, что «поэтический дух Пушкина всецело стоит под знаком религиозного начала *преображения* притом в типично русской форме его, сочетающей религиозное просвещение с простотой, трезвостью, смиренным и любовным благоволением ко всему живому, как творению и образу Божию».

И еще одно важнейшее обстоятельство подчеркивает философ: душа Пушкина, как душа истинно русского человека с «широкой натурой», вмещала в себя все крайности: «буйность, разгул, неистовство с умудренностью и просветленностью». В подтверждение этого Франк приводит в пример поведение Пушкина в двух очень важных в жизни поэта ключевых пунктах:

В самую буйную эпоху жизни Пушкина в Кишиневе возникает автобиографическое послание к Чаадаеву, свидетельствующее о почти монашеской отрешенности и тихой умудренности внутренней духовной жизни. И в самые последние дни своей жизни, в состоянии бешенства и исступления от оскорбления, нанесенного его чести, Пушкин, по свидетельству Плетнева, был «в каком-то высоко-религиозном настроении»: он говорил о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество «благоволения ко всем». Он жаждал убить своего обидчика Дантеса, ставил условием дуэли: «чем кровавее, тем лучше», и на смертном одре примирился с ним; требовал от Дантеса отказа от мщения и умер в состоянии духовного просветления, потрясшего всех очевидцев. Но мало того, что в Пушкине уживались эти две

«В нем был, кроме того, какой-то чисто русский *задор цинизма*, - продолжает философ, - типично русская форма целомудрия и духовной стыдливости, скрывающая чистейшие и глубочайшие переживания под маской напускного озорства». Франк приводит в пример эпиграммы на «светских» особ и прежде всего - «Гаврилиаду», как безусловное «кощунство», насмешку над религией и над нежными чувствами, над любовью.

Философ Франк убежден, что Пушкин, как человек совершенно «правдивый», в своем поэтическом творчестве «ничего не выдумывал», он лишь отображал духовный опыт мировых религий на основе широты собственного «духовного опыта» (это и «Подражание Корану», и Песнь Песней, отрывок «Юдифь», и образцы средневековой западной, и русской религиозности). Кто оказал наиболее сильное влияние на столь высокое понимание своего предназначения Пушкиным? Семен Франк первыми в этом ряду называет трех человек: поэта В.А. Жуковского, философа П.Я. Чаадаева и няню Арину Родионовну.

Если духовное завещание Пушкина «Памятник» (21 августа 1836 г.) мы помним все, то мало кто (за исключением специалистов-филологов) остановил свое внимание на выпускном сочинении поэта, вот его последние строки о разочарованном, с погасшей душой, герое:

«...Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.

«Счастливыцы! — мыслит он, — почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!»
Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Несчастливого влечет до хладных врат могилы,
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой».
(1817)

«Божественное призвание поэзии было всегда... основным догматом веры Пушкина», - утверждает философ и с ним невозможно не согласиться. А ведь от первого выпускного стихотворения «Безверие» до «Памятника» - ничтожно малое по бытовым меркам расстояние, всего 20 лет. Но в эти два сконцентрированных десятилетия вместились не только вся творческая, но и вся духовная жизнь поэта. От «пустыни гробовой» - к «Веленью Божию, о Муза, будь послушна!», от мрака и скуки безверия – к блаженству веры.

Пушкин становится близок и понятен, если остановиться, найти время и прочесть все опубликованные эссе Семена Франка здесь:

<http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Rc1rHDWfRhE%3D&tabid=1018>